

Лукашевич Клавдия Владимировна

**Ясное солнышко и другие
рассказы и повести**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Ясное солнышко и другие рассказы и повести / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 247 с.

ISBN 978-5-519-94003-0

Содержание. Ясное солнышко; На большой дороге; Серебряная свадьба; Тихон Михайлович; На святках; Старый Памфилич; Холодное сердце

ISBN 978-5-519-94003-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint



«... Мать стояла на колѣняхъ передъ кроваткой и дѣлала крошкѣ ручки...»

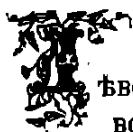
— Нѣтъ... Пусть немножко полежить у меня.—И онѣ обѣ умолкали, въ нѣмомъ обожаніи глядя на дѣвочку.

Такъ заставлялъ ихъ отецъ Лели.

— Она сегодня „мама“ сказала,—сообщала ему счастливая молодая мать, раскраснѣвшия какъ зарево отъ радости.

Отецъ крестилъ сонную дочку, любовался ею съ гордой улыбкой, тихо цѣловалъ русую головку и относилъ бережно дѣвочку въ ея бѣлоснѣжную кровать!

II.



Леля подрастаетъ.

Дѣвочка подрастала. Ее всѣ любили — рѣшительно всѣ: родные, чужіе, прислуга, дѣти, животныя. Ласковая, кроткая, красивая, — она готова была все отдать отъ себя и никогда никому не сказала рѣзкаго слова, никому не причинила огорченія.

— Этотъ ребенокъ не отъ міра сего, — говаривала бабушка.

— Въ дѣвчкѣ небесная отлѣтка, — вторила тетя Маня, сестра отца, горячо любившая маленькую Лелю.

— Зачѣмъ, зачѣмъ она такая — особенная?! — сокрушался отецъ.—Какъ мнѣ страшно за нее! Я бы хотѣлъ, чтобы она бѣгала и шалила, какъ другія дѣти, чтобы капризничала иногда, какъ Зиночка, или проказничала, какъ Лида.

— Да, она у насъ совсѣмъ необыкновенная! — говорила тихо мама и обращала на свою кроткую дѣвочку взглядъ полный горячей любви.

Лелечкѣ было четыре года; худенькая, высокая — не по лѣтамъ, съ блѣднымъ нѣжнымъ личикомъ, какъ будто выточенными прекрасными чертами, серьезная и задумчивая,—она казалась дѣвочкой лѣтъ семи.

— Дивлюсь я, барыня, на нашу Лелюшку, — рассказывала няня, возвращаясь съ прогулки. — Вѣрите ли, безъ слезъ смотрѣть на нее невозможно: играетъ въ саду съ дѣтьми, такая крошечка—всѣмъ уступить, не любить ссоры — сейчасъ всѣхъ уговорить, успокоить, приласкаетъ... И чужіе-то дивятся на нашу барышню. Никто не вѣритъ, что ей пятый годокъ.

„Леля, мое ясное солнышко! Будь такой всегда, всегда... Свѣти и согрѣвай всюду, гдѣ ты появишься, — и благо тебѣ будетъ!“ — думала мама съ замиравшимъ отъ счастья сердцемъ.

Оттого ли, что милаго ребенка такъ много и горячо любили, но ея сердце было открыто только для любви, участія и ласки. Даже въ свои четыре года Леля какъ-то забывала о себѣ и хотѣла быть полезной, насколько позволяли ея маленькія силы.

— Лелюшка, посиди, лапушка, съ Зиной! позабавь сестрицу!—просить старушка-няня и безъ страха уходить въ кухню, оставляя дѣтей однихъ.

Маленькая нянюшка, пока ее не смѣняютъ, гулить и забавляетъ свою бѣлокурую курчавую сестренку.

— А-а-гу, Зиночекъ... Идетъ коза рогатая за малыми ребятами... Забодаетъ, забодаетъ, забодаетъ. А-а-гу, Зиночекъ! Смотри, какой зайчикъ бѣгаетъ. Заинька, попляши... Заинька, поскачи, у тебя ножки хороши...

Леля наставляетъ стеклянное яичко подъ солнечный лучъ, и свѣтлый зайчикъ скользитъ по стѣнамъ, по полу, по потолку. Маленькая сестренка громко и весело смѣется.

— Ай, Лелюшка! Вотъ-то спасибо, милушка! Я и кофейку попила... Спасибо, что Зиночку позабавила! — говоритъ вернувшаяся няня.

Если мама садилась шить, Леля сейчасъ же приносила ей скамеечку подъ ноги и сама усаживалась около. Послѣ обѣда, безъ указаній, малютка спѣшила

принести отцу газету и портсигаръ, и если въ домѣ кто-нибудь что-либо забывалъ,— она всегда напоминала первая какъ-то вовремя.

Лелечка, почисти ягоды для варенья! — говоритъ мама и знаетъ, что на дѣвочку можно положиться: пока не кончитъ, ни одной ягодки не положить въ ротъ.

— Мы и бабушкѣ дадимъ варенья. А пѣнки всѣ станемъ пробовать... — шепчетъ крошка, перебирая аккуратно ягоды.

Одинъ разъ тетя Маня увезла Лелю къ себѣ на цѣлый день.

— Лелечка, пожалуйста, ничего не ѣшь тамъ, кромѣ бульона и котлетки: тебѣ нельзя! — сказала мама, одѣвая дѣвочку.

И этихъ словъ было довольно.

Взволнованная и растроганная привезла ее тетя Маня домой.

— Знаешь, Вѣрочка... Просто удивила меня Леля. Скушала супъ, котлетку, подали сладкое, желе — нарочно для нея дѣлали легкое. Она не беретъ: „мамуля не велѣла“. И какъ мы ее ни убѣждали ни упрашивали, увѣряли, что это сладкое можно... Ни за что!.. Твердитъ одно: „мамуля не велѣла“. Даже жалко было смотрѣть на ребенка. Ну, и вымуштровали же вы ее, бѣдняжку!

Мама горячо цѣловала свою правдивую крошку.

Нѣтъ, отецъ и мать не муштровали свою дѣвочку. Она была такою потому, что крѣпко любила ихъ и доказывала это всегда, всегда... Если дитя любить, — оно слушается близкихъ и не лжетъ.



III.



Леля въ своей семьѣ.

Лелѣ исполнилось пять лѣтъ. У нея были еще двѣ сестренки: бѣленькая, курчавая, голубоглазая Зина и черненькая Лида. Леля была ихъ любимицей и заступницей.

Случалось, что ея шаловливыя сестренки напашалъ, перессорятся или даже передерутся, и мама хочетъ которую-нибудь наказать. Виноватая бѣжитъ отъ мамы и, съ крикомъ, по всему дому разыскиваетъ Лелю, бросается къ ней, обнимаетъ ее, припадаетъ на грудь головой и чувствуетъ себя въ безопасности.

Надо было видѣть эту картину.

— Прости Лиду, мамулинька... Она больше не будетъ... Она маленькая... — умоляетъ Леля, обнявъ сестренку и устремивъ на маму свои большіе, выразительные глаза, а виноватая плутовка, молча, искоса выглядываетъ, точно чувствуетъ, что мама безсильна передъ такой трогательной защитой.

Обѣ дѣвочки слушались пятилѣтнюю сестру безпрекословно: она была точно большая. Утромъ она помогала имъ мыться и одѣваться, придумывала игры, рассказывала фантастическія сказки, самую сочиненную, и на крикъ въ дѣтской прибѣгала первая, чтобы разнять ссорившихся или помочь въ бѣдѣ.

Леля выговаривала сестрамъ серьезно и внушительно:

— Очень стыдно, Зинаида, толкаться... Смотри, какъ она, маленькая, ушиблась... Ей больно! Никто тебя любить не будетъ... Мамочка услышитъ — разсердится...

— А зачѣмъ она... зачѣмъ схватила мою коробку... — оправдывалась бѣленькая Зина, говорившая скоро и шепеляво. — Зачѣмъ она мою коробку разорвала... — и

малютка со слезами на глазахъ показывала ободокъ отъ коробки.

— Глупенькая ты еще! — улыбалась Лелечка. — Все-таки драться и толкаться не смѣешь. Могла бы сказать нянѣ, мнѣ или мамочкѣ. И гдѣ это ты выучилась! — Миритесь сейчасъ и играйте хорошо.

Дѣвочки цѣловались, и наступала тишина.

Отецъ требовалъ, чтобы дѣти сидѣли за столомъ смирно, не разговаривали со старшими и ѣли аккуратно. Онъ очень уставалъ, работая цѣлыми днями, и полнѣйшая тишина за обѣдомъ — была его маленькая слабость.

Передъ обѣдомъ мама или еще чаще Лелечка напоминали младшимъ дѣвочкамъ, чтобы онѣ сидѣли смирно, не разговаривали, не шалили и не беспокоили папу.

Рѣзвымъ дѣвочкамъ, особенно вертлявой Зинаидѣ, трудно было высидѣть часъ смирно, и уже черезъ нѣсколько минутъ мамѣ приходилось брать изъ ея рукъ то ложку, то вилку, удерживать подъ столомъ ея ноги.

Надо было видѣть, какъ волновалась тогда Леля, сидя напротивъ сестеръ: то она пожимала плечами, то дѣлала большіе строгіе глаза, то качала головой — лишь бы заставить ихъ остановить шалости. Дѣти, замѣтивъ ея многозначительные знаки, на время затихали.

Случалось иногда, что которая-нибудь изъ младшихъ дѣвочекъ вела себя за столомъ такъ дурно, что отецъ порывисто вставалъ, бралъ ее за руку и выпроваживалъ: „ты не хочешь сидѣть какъ слѣдуетъ и мѣшаешь другимъ, ну, такъ уходи въ дѣтскую и обѣдай одна!“ — говорилъ онъ.

У Лели на глазахъ навертывались слезы: отъ жалости къ наказанной и отъ обиды, что та огорчила папу.

Леля горячо и свято любила своихъ родителей и доказывала это и словами, и ласками, и дѣломъ.

— Зинаида, ты къ мамулинькѣ становишься спиной! — съ ужасомъ замѣчала Лелечка, какъ будто и въ этомъ было для нея нѣчто ужасное.

Эта маленькая, кроткая, тихая дѣвочка была точно ангеломъ-хранителемъ въ домѣ, — всеобщей защитницей и утѣшительницей.

Если иногда папа съ мамой начинали о чемъ-нибудь громко спорить, испуганная крошка бросалась къ нимъ поочередно и умоляла:

— Мамочка, уступи папѣ... сдѣлай, какъ онъ хочетъ... Пожалуйста уступи, моя золотая мамулинька. Папуля, не говори такъ громко съ мамой. Я такъ боюсь, когда вы спорите...

Родители умолкали, улыбались и ласкали свою дѣтку.

Если кто-нибудь изъ прислуги въ домѣ что-либо ломалъ или разбивалъ, то Леля непременно выпрашивала виноватой снисхожденіе.

По вечерамъ Леля любила вмѣстѣ съ сестрами забраться къ мамѣ на диванъ и слушать ея рассказы.

— Ахъ, какъ хорошо тутъ у насъ! — говорила дѣвочка. — Ну, вотъ точно въ сказкѣ: добрая мать, и дѣти. и этотъ диванъ, и все...

Мама смѣялась, а Леля съ сестрами охватывали ее за шею и начинали звонко цѣловать.

— Ты у насъ дорогая цыпа... незамѣнимая мамуля... безцѣнная и самая родная! — перебирала Леля на своемъ дѣтскомъ языкѣ всѣ нѣжныя названія.

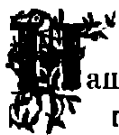
— Знаешь, мамочка... — часто прибавляла она, — такого, какъ нашъ папуля, нѣтъ больше человѣка въ мірѣ.

— Полно, дѣтка, есть много хорошихъ людей на свѣтѣ. И каждой дочкѣ свой папа кажется лучше другихъ.

— Нѣтъ, нашъ совсѣмъ особенный! Подумай, мамочка: и красавецъ, и все знаетъ, и справедливый... А добрый-то какой! Всѣ говорятъ, что онъ „рѣдкій человѣкъ“.

Даже няня и Марѳуша его называютъ „отецъ родной“. Я тебя и своего папочку такъ, такъ люблю, — нельзя показать: больше, чѣмъ до неба! — Леля сжимала свои худенькія ручки и съ нѣжностью смотрѣла на маму.

IV.



Отъѣздъ въ Сибирь.

аша знакомая семья собиралась въ далекій, далекій путь: Лелинаго папу назначили на службу въ Сибирь.

Съ грустью пришлось разставаться съ родными и близкими сердцу... съ милой родиной, со всѣмъ, къ чему привыкли, съ чѣмъ сжились... Далекъ былъ путь, неизвѣстна страна, куда отправлялись. Путешественниковъ пугали суровой зимой и страшными морозами, непривѣтливými людьми въ Сибири.

Съ горькими слезами разставалась Леля и ея родители съ бабушкой, съ тетей Маней и со всѣми друзьями.

Дорога была трудная, долгая, но вездѣ, какъ ясное солнышко сквозь темныя тучи, свѣтила маленькая Леля: она помогала мамѣ заботиться о сестрахъ, думала о вещахъ и ободряла и согрѣвала своей нѣжной лаской папу и маму.

Всюду по дорогѣ дѣвочка пріобрѣтала себѣ новыхъ и новыхъ друзей.

— Ты будешь насъ вспоминать, милый, славный человекъ? Ты напишешь намъ? Какъ бы намъ хотѣлось знать о тебѣ, чудесное дитя! — говорила въ Перми цѣлая семья новыхъ знакомыхъ, цѣлуя наперывъ Лелю.

— Вотъ когда выучусь писать и напишу! — обѣщала та.

На пристаняхъ по Волгѣ или по сибирскимъ рѣкамъ Леля съ бутылками, съ корзиночками спѣшила за мамой на берегъ.

— Прежде всего дѣтямъ молока поищемъ... А не то Лида опять будетъ капризничать... Да Зинушка ягодъ просила... Нѣтъ ли еще, мамочка, какой-нибудь тамъ рыбки соленой: няня говорила, что ей такъ „прѣснятина“ надоѣла.

Только для себя никогда ничего не просила Леля... И если мама допрашивала: что же ей-то самой хочется? — она застѣнчиво отвѣчала:

— Все равно... Ничего не надо... Можетъ, у тебя и денегъ-то мало, мамулинка...

V.



На пароходѣ по сибирскимъ рѣкамъ.

Ихъ плылъ пароходъ „Рейтернъ“ по Оби. Мѣста кругомъ были невеселыя: пустынные берега, жалкая растительность въ видѣ низкорослыхъ кустарниковъ и рѣдко-рѣдко гдѣ какое-либо жилье.

Было раннее утро. На палубѣ парохода, т.-е. въ третьемъ классѣ уже проснулись: ходили, разговаривали, плакали ребята, гремѣли чашками и чайниками.

Наверху, на мостикѣ прохаживался одинъ капитанъ, да рулевые были на своихъ мѣстахъ.

Вотъ изъ рубки перваго класса, по лѣсенкѣ слышались легкіе шаги, и въ отверстіе на мостикъ выглянула курчавая дѣтская головка.

— А-а-а!! Ясное солнышко! Рано же оно поднялось! — весело привѣтствовалъ капитанъ, подходя къ лѣстницѣ и вытаскивая за обѣ руки дѣвочку на мостикъ.

— Лелюшка, не бѣгай къ периламъ... Не упади, лапушка... — слышался изъ рубки старческій голосъ.

— Не упаду, нянечка... Не бойся... Тутъ капитанъ. Здравствуйте, капитанъ. Вы, навѣрно, не спали эту ночь? Вы бы пошли отдохнуть, а я за васъ на рѣку посмотрю! — привѣтливо улыбаясь, говорила дѣвочка. — Очевидно, они были уже друзья съ капитаномъ.

— Нельзя, моя прекрасная барышня... Еще раненъко вамъ капитанскую должность исполнять... Извольте-ка лучше порѣзвиться. Ишь какая тишь на водѣ... Хорошій сегодня денекъ будетъ. А у васъ, Елена Константиновна, булочка въ рукѣ... Вотъ сядьте тутъ на скамеечку да и кушайте на здоровье.

Леля прижала къ себѣ булку.

— Я уже напилась молока... Это такъ... А скоро будетъ пристань?

— Часика черезъ два. Соскучились, небось, на паходѣ?

— Нѣтъ. Что вы!.. Тутъ такъ весело! Всѣ такіе добрые, хорошіе!.. Ахъ, мнѣ въ каюту нужно итти... Я къ вамъ скоро опять приду.

— Буду ждать съ особымъ нетерпѣніемъ, моя прекрасная барышня!

Быстрые шаги застучали по лѣстницѣ; дѣвочка сбѣжала въ общую каюту перваго класса. Въ дверяхъ ее встрѣтила молодая дѣвушка и обнявъ крѣпко расцѣловала; дѣвочка охватила ее за шею.

— Здравствуй, моя прелесть! Ишь какая ранняя пташка! Я проснулась — смотрю — моей любимицы ужъ и слѣдъ простылъ; спрашиваю няню, — говорить: съ капитаномъ на мостикѣ.

— Знаете, тетя, мои мамочка и папуля еще спятъ... Скоро будетъ пристань... Тише, Зина... Тише... Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ смѣяться. Видишь, еще всѣ спятъ. Ты можешь другихъ разбудить. А вы пойдете, тетя, со